

Сначала эти слова ходили лишь по узкому кругу, но постепенно о них узнал весь класс. Будучи ещё детьми, они не стеснялись в выражениях и использовали эти слухи как оружие для насмешек, вонзая острые слова в сердце Цзи Чана, а затем делали вид, что не имеют к этому отношения, и холодно наблюдали со стороны.

Поначалу Цзи Чан ещё мог терпеть, но потом их речи становились всё жёстче. Цзи Чан не выдержал и пошёл разбираться с самым активным зачинщиком — одним мальчиком из класса.

Тот мальчик был главным задирой в классе, довольно высоким, и, по слухам, имел связи с местными хулиганами, так что многие ученики его боялись. Он и правда не подводил ожиданий: часто затевал драки, а его родители стали почётными гостями в кабинете классного руководителя.

Как и следовало ожидать, Цзи Чан с ним подрался и, конечно же, проиграл — лицо распухло. Но и тому мальчику досталось: на правой щеке остался длинный кровавый шрам, временно обезобразивший его.

После этого слухи поутихли — то ли всем наскучило, то ли свирепость Цзи Чана их напугала, но насмехаться над ним перестали.

Однако тот мальчик затаил злобу. Он не стал собирать компанию, чтобы избить Цзи Чана, а вместо этого использовал свою «репутацию», чтобы настроить против него весь класс. Даже те, с кем Цзи Чан считал себя друзьями, перестали с ним разговаривать.

Классный руководитель позже что-то пронюхала и вызвала обоих для разговора, но, похоже, не осознала всей серьёзности. Её слова звучали так, будто это была просто детская потасовка, и она не придавала этому значения.

Что лишь разожгло заносчивость того мальчика, и он принялся вытворять ещё более жестокие вещи.

Возвращаясь в общежитие после вечерних занятий, Цзи Чан часто обнаруживал на своей кровати чёрные следы от обуви, дыры в пологе москитной сетки и даже разбросанный мусор.

На переменах другие ученики сбивались в пары и группы, а Цзи Чан оставался в одиночестве, проводя эти мучительные десять минут, лёжа на парте. Во время обеденного перерыва он сам накладывал себе еду и садился в углу, слыша, как неподалёку его одноклассники весело болтают и смеются.

Всё это, несомненно, оказало колоссальное влияние на Цзи Чана, который был ещё подростком.

С тех пор он стал молчаливым, не желая и не решаясь общаться с кем-либо, часто целый день

не произнося ни слова. Плохое состояние привело к падению успеваемости, и даже учителя стали относиться к нему всё хуже.

В такой ситуации тоска по семье и зависимость от неё достигли у Цзи Чана пика, и он стал всё больше сторониться школы и общения с одноклассниками. В итоге, во время каникул после второго года обучения, случилось неизбежное — его перевели в другую школу.

Когда Цзи Чан рассказал об этом матери, та жестоко его избила, непрерывно осыпая бранью, говорила, что он вечно создаёт семье проблемы и от него одни неприятности.

Цзи Чан лишь опустил голову и молча терпел, не говоря ни слова. Мать, увидев это, разозлилась ещё сильнее и принялась бить его ещё яростнее — на руках и спине остались синие и багровые синяки, вид был жалкий.

Но в конце концов мать всё же перевела Цзи Чана в другую школу — вероятно, потому что в то время семья ещё была в достатке и могла позволить себе такие траты.

Новая школа находилась рядом с домом, так что Цзи Чану больше не нужно было жить в общежитии. Новая обстановка наконец-то позволила ему снова начать сходить с людьми, отношения с одноклассниками тоже складывались неплохо — всё шло к лучшему.

До того дня, на втором году старшей школы.

В отличие от множества печальных историй, погода в тот день была прекрасной — ясное небо, ни облачка, и от этого на душе становилось светло.

Была пятница, до промежуточных экзаменов оставалось две недели, все были слегка на взводе. После уроков ученики паковали учебники и спешили домой готовиться.

Цзи Чан разошёлся с одноклассником на перекрёстке и, завернув за угол, уже собирался войти в дом, как увидел, что неподалёку от ворот стоит грузовик. Несколько рабочих в тёмной форме сновали туда-сюда между домом и машиной, таская разную мебель.

У Цзи Чана был острый глаз — он сразу узнал свои вещи. Поняв, что что-то случилось, он в панике бросился в дом.

— Мама, что происходит? Что это значит? — Цзи Чан, лавируя между рабочими, тащившими диван, поспешно спросил у женщины, сидевшей на корточках на полу.

Он запнулся, потому что увидел, что его отец, который в это время обычно был на работе, молча стоял в углу и курил... Это было очень странно. Беспокойство постепенно накатывало на Цзи Чана.

— Чан-чан, иди с мамой, — тихо сказала женщина и направилась в уже опустевшую спальню.

Цзи Чану стало не по себе. Он давно не слышал, чтобы мать называла его «Чан-чан». После начальной школы она всегда звала его Цзи Чан, а ласковое имя использовала только для младшего брата, Цзи Хэ.

Цзи Чан вошёл в комнату и прикрыл за собой дверь. Не успел он открыть рот, как женщина вздохнула:

— Чан-чан, у папы на работе неприятности. Наш дом уже продали, чтобы расплатиться с долгами.

— Что? Почему? — Цзи Чан остолбенел. Несколько дней назад всё было в порядке, как вдруг дела стали настолько плохи, что пришлось продавать дом?

Но женщина не стала вдаваться в подробности, её взгляд внезапно стал бегающим, и она тихо проговорила:

— Чан-чан, мама хочет тебе кое-что сказать. Послушай и постарайся сохранять спокойствие.

Цзи Чан нахмурился, в душе шевельнулось смутное предчувствие:

— Мама, говори прямо.

Женщина глубоко вдохнула, посмотрела на Цзи Чана и наконец выдохнула:

— На самом деле... ты наш приёмный сын. Ты не наш родной ребёнок.

Цзи Чан широко раскрыл глаза, в голове что-то громынуло. Он открыл рот, пытаясь что-то сказать, но не смог выдать ни звука. Что мама говорит? Он не их ребёнок? Как это возможно?

Женщина, увидев его реакцию, и так не слишком твёрдая решимость пошатнулась ещё сильнее, но она всё же стиснула зубы и продолжила:

— Когда мы с твоим отцом долгое время не могли завести ребёнка, врачи сказали, что я, скорее всего, бесплодна. В отчаянии твой отец предложил взять приёмного. Сначала я была против, но он меня уговорил, и в конце концов я согласилась.

Тут она осторожно взглянула на Цзи Чана — тот стоял бледный, губы плотно сжаты, — и продолжила:

— Потом мы купили тебя у одной деревенской семьи. Тебе тогда только от груди оторвали, был ты беленький, пухленький, и мы с отцом тебя очень полюбили. Но прошло больше года, и я вдруг обнаружила, что беременна. Но раз уж мы тебя взяли, значит, должны нести ответственность, поэтому мы с отцом решили оставить тебя.

Закончив, женщина вдруг шагнула вперёд, схватила Цзи Чана за руку и взмолилась:

— Чан-чан, у нашей семьи больше нет денег, чтобы содержать тебя. Завтра мы уезжаем из этого города. Сейчас я могу дать тебе только три тысячи. Сам найди работу и оставайся здесь учиться, хорошо? — С этими словами она достала из кармана полиэтиленовый пакет и протянула его Цзи Чану.

К удивлению женщины, Цзи Чан не проявил никаких бурных эмоций. Он лишь молча протянул руку, взял пакет и тихо сказал:

— Я понял, — после чего развернулся и вышел из комнаты без лишних слов.

Женщина, увидев это, едва заметно вздохнула с облегчением, и на лице её даже мелькнула тень радости — будто тяжкий груз с плеч свалился.

Мужчина за дверью, увидев, что Цзи Чан выходит с пакетом в руках, всё понял. Выражение его лица стало сложным, в глазах мелькнула жалость, но в конце концов он ничего не сказал, лишь тяжело вздохнул и снова молча прикурил сигарету.

Спускаясь вниз, Цзи Чан в последний раз оглянулся на дом, в котором прожил больше десяти лет. И все воспоминания, что были намеренно погребены в самой глубине души, разом хлынули наружу.

<http://bllate.org/book/15265/1347163>